

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031

В. Д. Мазаев*

Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ)

Аннотация. Поправки к Конституции РФ 2020 г. внесли в конституционную материю много новых смыслов и понятий. Значительная часть из них обладает большим идеологическим потенциалом. В статье проводится анализ мировоззренческого аспекта поправок к Конституции РФ, политический посыл их принятия, методологические подходы к выявлению их содержания.

В работе выделяются поправки с наибольшим духовно-нравственным содержанием, такие как правопреемство, историческая правда, патриотизм. Раскрываются предпосылки их принятия, в том числе историческая неизбежность изменения Конституции РФ 1993 г. и поражение имитационного конституционализма в большинстве постсоциалистических стран. Показывается, что идеологическое содержание поправок использовано для корректировки либерально-демократической модели с позиции усиления государственного суверенитета. Особое внимание уделяется расширению национальной идентичности в конституционных нормах как закономерному процессу защиты от глобального конституционализма, универсальных демократических ценностей, в том числе на примере восточно-европейских государств. Отмечается общемировая тенденция кризисных явлений демократии рыночного типа, поиск более современных подходов к ее обновлению.

В качестве вывода отмечается, что мировоззренческий поворот к переоценке либерально-демократической доктрины имеет противоречивый и не до конца ясный характер. Можно предположить, что поправки к Конституции РФ являются первым шагом не только к модификации конституционных институтов, но к качественному обновлению философско-правовых смыслов российской конституционной идентичности. В качестве методологических инструментов научного поиска предлагается использовать потенциал интегративной функции философии права и концепцию общесистемных противоречий социума. Данная концепция позволяет более критически оценивать универсальность традиционно принятых ценностей демократии, формировать собственные конкурентные модели конституционного устройства. Она нацеливает на поиск баланса противоположностей в обществе, государстве, на механизм диалога и соразмерности в принятии решений.

Ключевые слова: Конституция; поправки; либерально-демократическая модель; глобальный конституционализм; конституционная идентичность; имитационный конституционализм; оборонительный конституционализм; мобилизационный конституционализм; мировоззренческий потенциал; преемственность; историческая правда; интегративная функция; общесистемные противоречия социума.

Для цитирования: Мазаев В. Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 15–31. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031.

© Мазаев В. Д., 2021

* Мазаев Владимир Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента публичного права факультета права НИУ «Высшая школа экономики»

Б. Трехсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Россия, 109028

vmazaev@hse.ru

The Search for New Meanings Continues (Concerning the Amendments to the Constitution of the Russian Federation)

Vladimir D. Mazayev, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Professor of the Department of Public Law, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"
per. B. Trekhsvyatitskiy, d. 3, Moscow, Russia, 109028
vmazaev@hse.ru

Abstract. Amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 introduced many new meanings and concepts into the constitutional matter. Most of them have great ideological potential. The paper analyzes the worldview aspect of the amendments to the Constitution of the Russian Federation, the political message of their adoption, methodological approaches to identifying their content.

The paper highlights amendments with the greatest spiritual and moral content, such as succession, historical truth, patriotism. The author elucidates the prerequisites for their adoption, including the historical inevitability of changing the Constitution of the Russian Federation in 1993 and the defeat of imitative constitutionalism in the majority of post-socialist countries. It is shown that the ideological content of the amendments was used to adjust the liberal-democratic model from the standpoint of strengthening the state sovereignty. Particular attention is paid to the expansion of national identity in constitutional norms as a natural process of protection from global constitutionalism, universal democratic values, including the case study of Eastern European states. There is a worldwide crisis tendency for the market-type democracy, the search for more modern approaches to its renewal.

As a conclusion, it is noted that the worldview turn towards a reassessment of the liberal democratic doctrine is contradictory and not completely clear. It can be assumed that the amendments to the Constitution of the Russian Federation are the first step not only towards the modification of constitutional institutions, but also towards a qualitative renewal of the philosophical and legal meanings of the Russian constitutional identity.

As methodological tools of scientific research, it is proposed to use the potential of the integrative function of philosophy of law and the concept of system-wide contradictions of the society. This concept allows us to critically assess the universality of the traditional values of democracy, to form their own competitive models of the constitutional structure. It aims at finding a balance between the opposites in the society, the state, at the mechanism of dialogue and proportionality in decision-making.

Keywords: Constitution; amendments; liberal democratic model; global constitutionalism; constitutional identity; imitation constitutionalism; defensive constitutionalism; mobilization constitutionalism; ideological potential; continuity; historical truth; integrative function; system-wide contradictions of society.

Cite as: Mazayev VD. Poisk novykh smyslov prodolzhaetsya (po vnesennym popravkam k Konstitutsii RF) [The Search for New Meanings Continues (Concerning the Amendments to the Constitution of the Russian Federation)]. *Lex russica*. 2021;74(7):15-31. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Внесение в Конституцию РФ значительного пакета поправок требует научной оценки новых конституционных смыслов и подходов. В конституции закладывается философская модель общества и государства, мировоззренческая система ценностей¹. Любое изменение кон-

ституции предполагает некие идеологические посылы, которые меняют или уточняют вектор политико-правового воздействия.

Изменения конституции является нормальным процессом модификации общественных отношений в связи с различными потребностями и факторами национального развития тех или иных государств². Конституция является залогом

¹ См., например: Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М. : Юристъ, 2002. С. 171 ; Бондарь Н. С. Философия российского конституционализма: в контексте теории и практики конституционного правосудия // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Московско-Петербургский философский клуб. М. : Летний сад, 2010. 46–48.

² Например, см.: Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : РЮИД, Сашко, 2000. С. 9–11 ; Хабриева Т. Я. Генезис конституции и основные конституционные моде-

целостного и стабильного существования личности, общества и государства. Если в обществе назревают объективные причины изменения или уточнения государственного или общественного строя, то следует менять всю конституционную модель или вносить блок поправок, объединенных одним философско-правовым смыслом, который бы не противоречил единству общей конституционно-правовой идеи.

Конституция РФ 1993 г. учредила либерально-демократическую основу развития конституционного строя в России. Согласно данной модели основным назначением конституции является ограничение государственной власти, закрепление свободы личности, обеспечение оптимального взаимоотношения личности, государства и общества в рамках права, на основе права с преобладанием естественно-правовых начал³.

Российская Конституция также закрепила признание России частью мирового сообщества (преамбула), ввела нашу страну в поле общепринятых демократических ценностей, глобального конституционализма.

В современных условиях всякий отход от универсальной демократической модели, пересмотр демократического потенциала может привести к изоляции страны, восприятию ее в качестве «токсичной» державы, не способной к диалогу. Смена мировоззренческих ориентиров на конституционном поле порождает серьезные практические проблемы развития государства, например в виде санкций и «гибридной войны». Вместе с тем каждый народ вправе определять свою судьбу, устройство своего национального государства.

В соотношении этих подходов и заключается основная проблема развития конституционного строя: насколько национальные трактовки либерально-демократических конституционных положений совпадают с тенденциями поступа-

тельного развития данного государства, защитой прав его граждан, насколько они способны соответствовать вызовам времени, более эффективным формам и институтам государственного регулирования, общественного согласия.

Поэтому важно видеть и понимать идеологический заряд принятых поправок, гносеологию подхода к нынешней трансформации конституционной материи.

Характер конституционных изменений (мировоззренческий аспект)

Несомненно, что в правовой науке и в политологических оценках основной задачей конституционной реформы — 2020 считается решение проблемы «транзита власти», которая была реализована «обнулением» президентских сроков⁴. Вместе с тем решение вопроса о транзите власти является только тактическим приемом в целом блоке стратегических вопросов будущего развития государственности. Главным же вопросом является отношение к демократической модели образца 1993 г., за которым стоит вопрос об изменении сущности и характеристики российской государственной власти.

В науке конституционного права существуют различные оценки мировоззренческих аспектов принятых поправок. Так, по мнению Е. А. Лукьяновой, «они создают конституционные механизмы невозможности реализации тех ценностей и устремлений, которые заложены в Конституции». За демократическим фасадом выстраивается крайне жесткий механизм, полностью меняющий конституционную идентичность⁵. М. А. Краснов считает, что «идентичность остается такой же, хотя, действительно, общая правовая ситуация институционально ухудшается. Но в весьма определенном духе — духе расширения всевластия президента, цен-

ли // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного закона России) : монография / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, В. И. Васильев [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИЗИСП, Юриспруденция, 2013. С. 32–33.

³ См.: Чиркин С. В. Зарубежный конституционализм: опыт развития // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности. С. 48–49 ; Умнова-Конюхова И. А. Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex russica. 2018. № 11. С. 26–27.

⁴ Подробнее об этом см.: Боброва Н. А. Конституционная реформа — 2020 как решение проблемы «транзита власти» — 2024 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 5.

⁵ Лукьянова Е. А. О конституционной идентичности и форме правления // Деконструкция Конституции : Что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2020. С. 24. (Либеральная миссия — Экспертиза. Вып. 8 / под ред. К. Рогова).

трализации власти, что является одним из факторов разрушения главного — принципов конституционного строя»⁶.

С. А. Авакьян принятые изменения рассматривает как серьезные нововведения, но не считает их деформацией конституционных основ⁷. Б. С. Эбзеев не считает революцией совокупность значительного объема поправок к Конституции РФ. «В действительности ценностное ядро Основного Закона остается неизменным. Речь идет не о принятии новой Конституции, а о привнесении в действующий Основной Закон дополнительных смыслов, вытекающих, во-первых, из опыта четвертьвекового действия Конституции РФ, во-вторых, уровня зрелости политической системы и велений переживаемой страной эпохи, в-третьих, тенденций мирового развития»⁸.

Конституционный Суд РФ не рассматривает внесенные поправки как корректировку первых двух глав Конституции РФ. Например, по вопросам изменения конституционных полномочий высших органов государственной власти Суд считает, что «это согласуется со сложившейся практикой и, по существу, направлено на придание ей конституционной легитимности»⁹.

Действительно, в принятом Законе РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹⁰ (далее — Закон) формально изменения не касаются глав 1 и 2 Конституции РФ, где закреплён перечень базовых ценностей российского конституционного строя. Рыночная экономика, демократическая модель власти, институты политического и идеологического плюрализма, механизмы децентрализации

государственной власти (федерализм) присутствуют как в юридической, так и в фактической конституции страны. И какой бы жесткой и справедливой ни была критика российской конституционной практики, например не вполне рыночной экономической модели, дефектов системы разделения властей, имитационности модели политической власти и пр.¹¹, конституционный строй держится на фундаментальных основах гл. 1 Конституции РФ.

Наиболее близки к смысловым, мировоззренческим понятиям те поправки, в которых затрагиваются идейно-политические, духовно-нравственные аспекты. К ним прежде всего следует отнести: признание правопреимства СССР на своей территории, а также правопреимства СССР в отношении членства в международных организациях, участия в международных договорах (ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ); признание правопреимства в развитии российского государства, объединенного тысячелетней историей, памятью предков, передавших идеалы и веру в Бога (ч. 2 ст. 67.1); обеспечение защиты исторической правды (ч. 3 ст. 67.1); закрепление в качестве важнейшего приоритета государственной политики детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, обеспечения семейного воспитания (ч. 4 ст. 67.1); закрепление русского языка как языка государствообразующего народа (ч. 1 ст. 68); закрепление культуры в Российской Федерации как уникального наследия ее многонационального народа (ч. 4 ст. 68); закрепление поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, в осуществлении и защите их прав и интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности (ч. 3 ст. 69); защита

⁶ Краснов М. А. Исправить треугольник: несбалансированность системы власти главная драма Конституции // Деконструкция Конституции: Что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе. С. 27, 29.

⁷ Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.

⁸ Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 8.

⁹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. № 12. Ст. 1855.

¹⁰ СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

¹¹ Например, см.: Денисов С. А. Имитация конституционного строя // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 39–46.

института брака как союза мужчины и женщины (п. «ж» (1) ч. 1 ст. 72); создание условий для устойчивого экономического роста страны, для взаимного доверия государства и общества, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1).

В содержании этих поправок, например в понятиях «правопреемство в историческом развитии», «защита исторической правды», «патриотизм», «гражданственность», «общероссийская культурная идентичность», дается представление о важнейших идеологических ориентирах для общества, государства, личности. При этом содержание данных норм не может быть однозначным и непротиворечивым в условиях отсутствия государственной обязательной идеологии (ст. 13 Конституции РФ). Это отражено и в позиции КС РФ, согласно которой поправки «носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической демократии»¹².

На наш взгляд, названные поправки к Конституции РФ не обрушили базовую основу рыночной демократии, но они наметили серьезную модификацию мировоззренческого вектора российского конституционализма. Содержание дополнительных смыслов, закрепленных в новых поправках, предстоит еще выявлять и осмысливать. В этой связи необходимо определиться с факторами и предпосылками, которые повлияли на масштабное изменение конституции.

Предпосылки конституционных изменений

Основные предпосылки изменения Конституции РФ относятся как к истории создания и принятия Конституции РФ 1993 г., так и к факторам сегодняшнего времени. К историческим предпосылкам можно отнести следующие:

1. Временный, переходный характер Конституции РФ 1993 г. Конституция РФ 1993 г. явилась

инструментом учреждения и формирования принципиально нового общественного и государственного строя страны. В основу построения российской государственности заложили модель традиционных западных демократий, отрицание преемственности с советской моделью. На тот исторический момент в стране не было соответствующего экономического базиса для формирования основ демократии, основанной на рыночной экономике, частной собственности, автономии личности с неотчуждаемостью прав и свобод, понятии верховенства права. По мнению О. Г. Румянцева, в президентском проекте конституции закреплялась конструкция сильной президентской власти, которая должна была обеспечить стабилизацию власти до достижения стабильности в обществе. Идеологи Кремля допускали временный характер принимаемой Конституции¹³.

Конституция РФ 1993 г. была призвана решать задачи учредительного акта переходного периода строительства нового общественного уклада и государственности. Потребность в последующих серьезных изменениях была заложена изначально.

2. Элемент запоздания. Данная модель была на шаг позади современных конституционных моделей демократического постиндустриального общества: 1) в ней отрицался не только любой позитивный опыт предыдущего 70-летнего развития, но и любые элементы интеграции (конвергенции) рыночного и социалистического типа отношений; 2) в ней не был в должной мере отражен опыт конституций «последней волны» (например, Бразилии, Испании, Португалии), особенно по вопросам соотношения потребностей национального государства и личности, публичных и частных интересов, не были представлены экономическая и социальная функции государства, принципы современного планирования (например, Турция, Бразилия).

3. В данной модели институционально закрепили ведущую роль главы государства в системе разделения властей¹⁴, тем самым заложили возможность наращивания потенциала единоличного лидера, снижения демократических возможностей системы сдержек

¹² Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3.

¹³ Румянцев О. Г. Конституция девяносто третьего. История явления. Изд. 3-е, испр. и доп.. М.: Издательство РГ, 2018. С. 220–221.

¹⁴ См.: Шахрай С. М. К вопросу о конституционно-правовом статусе Президента Российской Федерации // Общественные науки. 2015. № 2. С. 79–87.

и противовесов. В Конституции РФ 1993 г. был закреплён тот рычаг, который стал предметом основной борьбы на российском политическом поле и судьба которого должна была быть более точно определена исходя из опыта российской системы сдержек и противовесов.

4. Легитимность разработки и принятия Конституции РФ 1993 г. справедливо была поставлена под сомнение и до сих пор не забылась участниками этих событий: принятие конституции в условиях конституционного переворота¹⁵, расстрела высшего органа государственной власти, упразднения системы представительных органов в стране, приостановления деятельности КС РФ и др.¹⁶

Ко второй группе факторов корректировки конституционной модели можно отнести следующие:

1. Шоковая рыночная терапия 1990-х гг. нанесла фатальный удар по представлениям о справедливости, по естественным правам человека, государству как защитнику общего блага. Несправедливое перераспределение национальных богатств в период безденежной приватизации породило неверие в право, в новые конституционные устои¹⁷.

2. Неоправданность ожиданий свободного рынка. Ставка на разрушение социалистической экономической модели и установление свободного рынка не дала резкого экономического развития, появления широкого слоя эффективных собственников. В условиях обострения межгосударственной конкуренции представители свободного рынка не смогли обеспечить прорыв в наукоемкие отрасли, новые технологии. Как показал российский опыт, без значительного участия государства современные

задачи социально-экономического развития решить невозможно¹⁸.

3. Обострение глобалистских и регионалистских тенденций, противодействие однополярности мировой политики и в связи с этим усложнение задач защиты национального суверенитета. При этом универсальные конституционные ценности, универсальная концепция прав и свобод человека и гражданина стали выступать инструментом глобализма, внешнего воздействия на внутригосударственное пространство.

4. Общество в условиях неоправданных ожиданий от вхождения в глобальный рынок не смирилось с ролью мировой провинции. Эта неудовлетворенность обусловила некий поворот к идее сильного государства, традиционным историческим образам¹⁹.

5. Поражение имитационной модели развития. На примере постсоциалистических стран (Центральной и Восточной Европы) можно видеть, что проводимые в этих странах реформы методом подражания и имитации не привели к ожидаемым результатам, что вызвало ощущение «неадекватности, второсортности, зависимости, утраты идентичности»²⁰. И как следствие, появились идеи защиты от «колониального конституционализма», ценностей новой западной демократии.

Постановка мировоззренческой задачи.

Идентичность как защита

Если обратить внимание на идейно-политические источники разработки поправок к Конституции РФ, то следует выделить позиции В. В. Пу-

¹⁵ См.: заключение Конституционного Суда РФ от 21.09.1993 № 2-З «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации” от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 6.

¹⁶ Подробнее см., например: Умнова-Конюхова И. А. Указ. соч. С. 29–30.

¹⁷ См.: Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 544.

¹⁸ Например, см.: Мазаев В. Д. Конституция Российской Федерации 1993 г.: свершения, мифы и реалии (на примере экономической модели) // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 21–37.

¹⁹ Для большей объективности оценки предпосылок конституционных изменений следует учитывать различные мировоззренческие позиции российских авторов. На наш взгляд, достаточно взвешенный анализ причин социального запроса на конституционную реформу дает А. Н. Медушевский (см.: Медушевский А. Н. Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 22–28).

²⁰ Крастев И., Холмс С. Имитация и ее отрицание // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 12.

тина и В. Д. Зорькина, высказанные за полгода до внесения поправок. Так, В. В. Путин заявил о том, что прошло время доминирования либеральной идеологии, она требует определенной корректировки согласно историческим, национальным и иным особенностям национальных государств и культур²¹. Но в продолжение этой оценки высказался о том, что сама по себе данная модель не исчерпала свой потенциал.

В. Д. Зорькин также не отвергает либерально-демократическую модель, но констатирует ее кризисные проявления. Он формулирует «потребность в преодолении кризиса права и правовой демократии, который уже очевиден для любого неангажированного наблюдателя». Этот кризис, по его мнению, заключается в «одностороннем, европоцентричном подходе к пониманию ценностей права и правовой демократии»²².

Эти ориентиры так или иначе были отражены в конституционных изменениях, а именно: 1) в корректировке либерально-демократической модели государства и общества с позиции национального суверенитета, национальной идентичности; 2) в закреплении политического мандата на власть за национально ориентированной элитой.

Так, формой защиты собственных представлений о конституционных ценностях стали нормы, например, ч. 2(1) ст. 67 (защита суверенитета и территориальной целостности), ч. 4 ст. 68 (поддержка и охрана культуры в Российской Федерации), ч. 2 ст. 69 (защита самобытности всех народов и этнических общностей) Конституции РФ. Наиболее предметно идея защиты суверенного конституционализма заключается в праве на собственное толкование и применение современных стандартов либеральной демократии. Так, согласно ст. 79 Конституции РФ «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Феде-

рации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

В поправках к Конституции РФ политический посыл о национализации политической элиты отражен в виде чрезвычайно простой формулы — ограничения политических и трудовых прав чиновников, имеющих какую-либо формально определенную связь с иностранными государствами. Так, в п. «т» ст. 71 Конституции РФ появился запрет на замещение государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, связанных с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина России на территории иностранного государства, а также ограничения, связанные с денежными средствами в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Эти запреты Конституция РФ распространила на всех высших должностных лиц Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, Президента РФ, депутатов Государственной Думы ФС РФ, сенаторов, судей и Уполномоченного по правам человека.

Таким образом, применение общепризнанных конституционных ценностей Конституция РФ связывает с собственными национальными представлениями об их содержании, с так называемой национальной идентичностью.

В этой связи возникает ряд доктринальных проблем. Одной из них является вопрос о том, что представляет собой национальная идентичность в соотношении с конституционной идентичностью (и/или с глобальным конституционализмом²³). По мнению ряда исследователей, понятия конституциональной и национальной идентичности не равнозначны²⁴. За поиском национальной идентичности на конституционном поле стоит потребность в защите националь-

²¹ Путин В. В. Интервью газете The Financial Times // Официальный сайт Президента России. 27 июня 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 21.02.2021).

²² Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы : лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (С.-Петербург, 16 мая 2019 г.) // Российская газета. 16.05.2019. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html>.

²³ Подробнее о глобальном конституционализме см.: Медушевский А. Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1. С. 15–42.

²⁴ Например, по мнению Е. А. Лукьяновой, национальная идентичность — это «явление морально-культурное и может рассматриваться в качестве конституционной идентичности только тогда, когда приобретает общепризнанную конституционно значимую определенность и институциональное закрепление»

ного суверенитета в условиях глобализации экономического, политического и правового пространства. Страны с переходными политико-экономическими системами (прежде всего это касается государств постсоциалистического пространства — Польши, Латвии, Венгрии, Румынии и др.) болезненно переносят вхождение в систему ценностей развитой западной демократии, которая регулярно повышает планку требований к реализации этих установок. Политической реакцией на внешнее политико-идеологическое и правовое воздействие является обращение к национальным особенностям, традициям, тем понятиям, которые позволяют повышать степень защиты своего «конституционного суверенитета». Ряд авторов называют такую позицию оборонительным конституционализмом²⁵. Страны постсоциалистического лагеря обороняют национальную идентичность, но ищут компромиссы и не претендуют на радикальную смену принятых конституционных идеологем. Главным для них в этой борьбе является государственный суверенитет²⁶.

В случае российского конституционализма наблюдается иная картина. Россия не смогла интегрироваться в западноевропейское пространство, не признала однополярность мирового развития, стала лидером в евроазиатском регионе и претендует на возвращение статуса ведущей мировой державы. Поэтому поправки к Конституции РФ перевели духовно-нравственное содержание национальной идентичности в категорию конституционной идентичности для достижения более высокого уровня конституционного суверенитета. Можно предположить, что эти цели связаны с решением предметных задач в политике и экономике — концентрации ресурсов (и контроля за ресурсами) в руках государства, мобилизации общества на преодоление отставания преимущественно посредством государственного управления экономикой.

Закономерно, что в этих условиях защита конституционного (прежде всего государственного) суверенитета предполагает концентрацию политической власти, сокращение сферы

политической конкуренции и в рамках конституционной модели — частичное перераспределение конституционных полномочий в системе органов государственной власти для обеспечения долгосрочности избранного курса.

Следует отметить, что России менее присущ характер «оборонительного конституционализма». Если говорить об образе нашего конституционализма, то ему более подходит характеристика «мобилизационного» конституционализма. Суть его заключается в объединении государственных и общественных ресурсов для решения стратегических задач развития (например, прорыв в экономике, укрепление национальной безопасности) с элементами временного ограничения демократических институтов при поддержке этих мер населением.

Если возвращаться к мировоззренческому содержанию конституционных поправок, то в них видна некая противоречивость. С одной стороны, основы конституционного строя остаются неизменными, с другой — общий идеологический вектор изменений направлен в сторону серьезной корректировки или даже пересмотра конституционных либеральных основ. Так, основными элементами конституционной идентичности стали такие понятия, как «преемственность», «историческая правда». И здесь появляются главные вопросы: какое конституционное содержание вкладывается в преемственность и историческую правду; кто и на основании каких критериев будет истолковывать эту правду?

Исходя из историко-логического толкования Конституции РФ, под преемственностью можно понимать историческое продолжение государственного развития России, ее сущностей и институтов (со времен Рюрика или Ивана III, Романовых или Советов и т.д.)? Но для начала следует определиться с точкой отсчета, хотя бы за ближайшие 100 лет. Ведь в России два важнейших исторических этапа конституционного развития сопровождались отрицанием преемственности с предыдущими. Так, стоит напомнить, что Конституция РФ 1918 г. закрепила

(Лукьянова Е. А. Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 134).

²⁵ Например, см.: Васильева Т. А. Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского Союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 2. С. 32–54; Лукьянова Е. А. Идентичность и трансформация современного права. С. 135–136.

²⁶ Подробно о политике властей ряда постсоциалистических стран по отстаиванию своей конституционной идентичности см.: Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы: введение в юридический конституционализм : пер. с англ. М. : Ин-т права и публ. политики, 2021. С. 570, 576.

полное отрицание буржуазной цивилизации, общественного и государственного строя царской России²⁷. А Конституция РФ 1993 г. закрепила отрицание советского строя.

В российской научной доктрине по вопросу преемственности исторического развития можно выделить две противоположные позиции. Так, М. А. Краснов отвергает преемственность новой России государственному строю СССР как пример опасной социальной утопии²⁸. С. Н. Бабурин приветствует такой подход, считая, что «пришло время преодолеть в России раскол между русскими духовными ценностями, православной традицией и социализмом»²⁹.

Не менее противоречиво могут быть истолкованы и другие понятия, такие как историческая правда, патриотизм, солидарность, взаимное доверие государства и общества. Если при толковании указанных понятий исходить из принципов универсального конституционализма, то преемственность с советской моделью, основанной на прямо противоположных началах, неприемлема. Поэтому остается неясность в смысловом целеуказании поправок: это модификация либерально-демократических ценностей применительно к цивилизационным и иным особенностям России или поиск собственной модели конституционного развития?

На этот вопрос на сегодняшний день однозначного ответа нет. Проблема кризиса современной рыночной демократии затрагивает не только нашу страну. Эта проблема имеет больший размах. Она охватывает всю нынешнюю парадигму рыночного либерального развития. Внешне это проявляется обострением

различного рода социальных, экономических и политико-правовых противоречий, таких как глобализация и регионализация, столкновение западно-атлантических и иных цивилизационных моделей, демократических и авторитарных, позитивистских и естественно-правовых подходов и т.д.³⁰

Диагноз действительно системного, качественного кризиса ставится всей западной рыночной демократии, а не только праву или политико-правовым институтам. Так, по данным доклада Freedom House «Демократия в отступлении. Свобода в мире — 2019»³¹, в 2018 г. было отмечено 13-й год подряд снижение глобальной свободы. Это изменение охватило множество стран в каждом регионе, от таких давних демократий, как США, до таких, как Китай и Россия. «Картина последовательна и зловеща. Демократия отступает». В пример можно привести политику экс-президента США Д. Трампа как кризис демократических ценностей и ценностей глобализма³². В государствах Центральной и Восточной Европы девальвация либеральных ценностей и кризис демократии продолжается³³.

Западные специалисты, признавая кризисные явления в системе демократических ценностей, нарабатывают различные подходы к их модификации, снятию противоречий. Так, Римский клуб опубликовал доклад, в котором оценил состояние современной либерально-рыночной модели как кризисное и призвал к разработке новой системы ценностей, основанной на поиске справедливости и идеях солидаризма³⁴.

²⁷ В статье 5 Конституции РСФСР закреплялся «полный разрыв с варварской политикой буржуазной цивилизации», в ст. 9 целями новой государственности назывались «полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» (см.: Конституция и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М. : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. С. 23).

²⁸ Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов : учеб. пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 16–38, 46.

²⁹ Бабурин С. Н. Интернациональный конституционализм : монография. М. : Норма: Инфра-М, 2020. С. 203.

³⁰ Например, см.: Хабибулин А. Г., Селиванов А. И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. 2-е изд., доп. М. : Формула права, 2011. С. 43–44, 182–183.

³¹ URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat> (дата обращения: 24.12.2020).

³² См.: Куликов Д., Сергейцев Т. Мировой кризис. Восток и Запад в новом веке. М. : Э, 2017. С. 13, 14.

³³ См.: Кененова И. Конституционализм и политическое лидерство в странах Центральной и Восточной Европы: проблемы и перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5. С. 39–40.

³⁴ Цит. по: Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый мир обречен. Новый мир неизбежен!» // URL: http://2020snn.ru/articles.php?article_id=1551 (дата обращения: 02.05.2021).

В целом эта ситуация показывает нарастание противоречий в философско-правовой и политической сферах на поле универсальных ценностей. И в этих условиях нам тем более необходимо обеспечение национальной конституционной самодостаточности.

Можно предположить, что в Конституции РФ сформулирован заказ на обновление мировоззренческой основы политики публичной власти, на новую политическую философию. Хотя многие могут сказать, что эти основы уже приняты и реализуются в конституционной практике. Но без доктринальной проработки на уровне политической философии и философии права они будут оставаться размытыми, конъюнктурными, вкусовыми.

Проблема заключается в том, по какому пути нам идти в поиске новых или уточненных идеологических ориентиров в сфере права и демократии. Можно выделить три направления: 1) двигаться в створе общедемократических ценностей, развивать их в рамках общепринятых принципов и норм доминирующего западного центра; 2) позиционировать в рамках общемировых демократических ценностей особенности собственной национальной идентичности (в том числе с использованием приемов оборонительного и/или мобилизационного конституционализма); 3) разрабатывать собственную модель цивилизационного развития (и ее конституционно-правового закрепления) с учетом современных трендов переоценки монополизма рыночной либеральной идеологии.

На наш взгляд, приспособление современных либерально-рыночных конструкций к российской модели развития традиционно оставляет нас в позиции вечно догоняющих, консервативных, неудобных и опасных (вечно не так всё понимаем и имитируем). С другой стороны, обращение только к национальной идентичности, собственной исторической правде, преемственности является политико-нравственным призывом, за которым стоит политическое многоголосие. Одни мыслят возврат к имперским временам, идеологии «самодержавия, православия и народности». Другие призывают к возврату советской модели.

Более перспективным путем является поиск новой модели политической философии в России. В качестве ее первичной основы можно рассматривать мировоззренческий пакет поправок к Конституции РФ, с которого необходимо начинать формировать собственные философско-правовые смыслы конституционной идентичности.

Некоторые подходы к методологии выявления новых конституционных смыслов

По мнению ряда авторов, «споры о мировоззренческом содержании конституционных актов не прекратятся. По-прежнему придется обращаться к той идеологии, которая обуславливает необходимость внесения изменений в Конституцию»³⁵. Следует оговориться, что вопрос об идеологии в Конституции является самостоятельной проблемой и в рамки данной статьи не входит.

Без опоры на философские основы невозможно оценить, выявить конституционное содержание поправок. На наш взгляд, инструментом такого поиска может стать, во-первых, интегративный потенциал философии, интегративный подход к философии права; во-вторых, концепция общесистемных противоречий социума (далее ОПС).

Интегративный подход. Идеи интеграции питают то научное направление, которое позволяет сблизить внешне противоположные ценности, осуществить отбор и имплементацию элементов из различных систем. В правовой доктрине это направление в последнее время все больше расширяется. Так, по мнению В. В. Лазарева, интегративная юриспруденция способствует решению проблем в условиях глобализации, интегративные (интегральные) подходы способствуют диалогу современных культур³⁶. С. Н. Бабурин поддерживает идею интегративности права и формулирует понятие «интеграционный конституционализм», под которым он понимает цивилизационные основы единения народов и государств в рамках межгосударственных союзов и объединений и на базе конституционных положений³⁷. Им также

³⁵ Лазарев В. В. Идеологические страсти на конституционном уровне // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 28.

³⁶ Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 20–29.

³⁷ Бабурин С. Н. Указ. соч. С. 16, 133, 134, 171.

отрицается роль универсального конституционализма, который монополизирован одной группой субъектов на основе одних духовно-нравственных ценностей.

В. Д. Зорькин также обращается к интегративным аспектам анализа, к потребности оценивать «явления всесторонне, во всей их внутренней противоречивости и незавершенности», использовать метод историзма как инструмент решения этой задачи³⁸. Для преодоления кризиса права он рекомендует обратиться к метамодернистской философии, которая содержит потенциал для преодоления одностороннего подхода и позволяет увидеть мир в единстве его многообразия³⁹. Г. А. Гаджиев обращает внимание на необходимость одновременно использовать разные юридические методы познания, их перепроверку, некий синтез, чтобы преодолеть универсализм европоцентрического либерального дискурса⁴⁰.

Если рассматривать философские ориентиры раскрытия мировоззренческого потенциала обновленной Конституции РФ, то следует признать необходимость обращения к интегративной функции философии⁴¹.

Интегративная функция состоит в том, что с помощью философии осуществляется органическое соединение всех компонентов содержания человеческой культуры — онтологического, гносеологического, логического, этического, эстетического, аксиологического, жизненно-практического. Она способствует переосмыслению и переоценке различных идей и достижений гносеологии. В интегративной парадигме мира отсутствует предопределенность о роли отдельных факторов, отдельных научных течений. Она позволяет взять все ценное и позитивное из их наследия и пересмотреть с точки зрения теории исторического процесса многофакторного

типа. Интегративная функция философии способствует преодолению заикленности отдельных школ и течений философской и правовой мысли и неприятия чужих достижений⁴².

Например, Мануэль Кастельс, теоретик информационного общества, писал, что многокультурный, взаимозависимый мир «можно понять и изменить, только рассматривая его в плюралистической перспективе, сводящей вместе культурную идентичность, глобальную сеть и многомерную политику»⁴³. В какой-то общности могут так сложиться условия жизни, что политкорректность и толерантность станут главными. Для других сообществ указанные права будут экзотическими и/или неприемлемыми. Чтобы просчитать возможные последствия различных факторов и их роли в социальных процессах, важнейшим условием для интегративного подхода в философии, в том числе права, является режим мировоззренческого плюрализма, постоянного поиска, диалога.

Концепция общесистемных противоречий социума. Интегративный подход и многофакторность в оценке социальных явлений дает более объемную смысловую картину. Но опять же он не решает задачи определения тех критериев, которые позволяют отбирать необходимые элементы для единой непротиворечивой системы. Так, С. Н. Бабурин видит конституционную интеграцию в рамках региональных межгосударственных объединений, которые имеют цивилизационную общность⁴⁴. А Джагарян рассматривает интегративный процесс как вкрапление и адаптацию национальной идентичности на основе диалога в общее поле универсальных ценностей⁴⁵.

Здесь имеет смысл обратиться к одному из научных подходов, который вносит, на наш взгляд, новаторский вклад в диалектику. При-

³⁸ Зорькин В. Д. Философия права: прошлое, настоящее, будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Московско-Петербургский философский клуб. М. : Летний сад, 2010. С. 33.

³⁹ См.: Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы.

⁴⁰ Гаджиев Г. А. Юбилейные заметки о конституционном развитии и о роли методологии в конституционной юстиции // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 1. С. 5–7.

⁴¹ Например, см.: Дронченко А. И. Интегративная функция философии : дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. С. 12–13.

⁴² См.: Вырелкин В. П. Некоторые теоретико-методологические проблемы познания социальных процессов и явлений. Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. Вып. 1 (16). С. 184–185.

⁴³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ. 2000. С. 33–34.

⁴⁴ Бабурин С. Н. Указ. соч. С. 16, 172.

⁴⁵ Джагарян А. Российский конституционализм: в поисках идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6. С. 92, 98.

знанным фактом философской мысли является закон диалектики, согласно которому источником самодвижения мира являются противоречия, их борьба и соотношение⁴⁶. В. П. Вырелкин обосновал концепцию, согласно которой отношения противоречий являются прежде всего способом его бытия! Применительно к обществу данная идея развивается в концепцию общесистемных противоречий. Если общество — это система систем, значит, ему должны быть присущи диалектические противоречия не только на более низких уровнях социального целого (в марксизме — внутри способа производства, между классами, этносами, базисом и надстройкой, физическим и умственным трудом), но и на уровне всей системы. На уровне всей системы действует основное противоречие социума — это противоречие между социализационной и приватизационной сторонами общественной жизни, находящимися в диалектической взаимозависимости. Оно пронизывает весь социум и присущ всем субъектам, начиная от человека и заканчивая взаимодействующими цивилизациями⁴⁷.

Вся сложность реальности заключается в том, что это противоречие является базовым для существования и развития общества. И если игнорировать или упрощать роль общесистемного противоречия, в том числе путем снятия или вытеснения той или иной стороны противоречия, абсолютизировать одну из сторон — это неизбежно ставит общество на край гибели. Например, вытесняя частную собственность из экономики, тем самым сворачиваете базовые мотивации в развитии, сферу индивидуальной свободы личности, ограничиваете область использования публичной собственности, тем самым наносите ущерб социальной стабильности, социальной справедливости.

Концепция ОПС позволяет решать более взвешенно многие вопросы, например закономерностей соотношения общественной и частной собственности, тоталитаризма и либерализма, свободы и подчинения чужой воле, требований равенства и существующего неравенства и т.п. А если говорить о конституцион-

ной идентичности, то предложенная концепция дает представление о том, что, возможно, нам не стоит из последних сил «вписываться» в западноевропейские демократические ценности. На этом направлении, согласно историческому опыту, у нас нет большого успеха. То есть идти по пути полной универсализации конституционализма нельзя категорически, т.к. иначе нарушается закон всеобщей противоречивости мира, исчезает возможность поиска баланса противоположностей и социум оказывается на краю очередного катаклизма.

Что интересно, специалисты разных мировоззренческих установок приходят к одному выводу о том, что российское государство должно обустраиваться не в глобальной экономике, глобальном правовом пространстве, а на уровне развития региональных стран, далее формируя и развивая свою идентичность в сообществе близких по цивилизационным и духовно-нравственным особенностям государств. Так, по мнению экономиста И. Иноземцева, «региональные глобализации» — практически единственный шанс идти дальше, не мешая друг другу. Задача современных политиков — направить энергию сторонников разных глобальных парадигм не на борьбу друг с другом, а на совершенствование выбранных ими моделей⁴⁸. С. Н. Бабурин также видит дальнейшее конституционное развитие России в рамках региональной интеграции, основанной на общих цивилизационных признаках⁴⁹.

Заключение

1. Главным идеологическим посылом поправок к Конституции РФ 2020 г. является не обеспечение «транзита власти», а корректировка системы демократических ценностей, закрепленных в Конституции РФ 1993 г., и новые характеристики российской государственной власти.

2. В ряду многочисленных поправок к Конституции РФ следует выделять группу поправок мировоззренческого характера, таких как пра-

⁴⁶ См.: Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 431.

⁴⁷ Вырелкин В. П. Общесистемные противоречия социума во взаимодействии цивилизаций // Диалог цивилизаций: Восток — Запад. М.: Изд. РУДН, 1997. С. 95–98.

⁴⁸ Например, см.: Иноземцев И. У «мира без правил», о котором говорил Путин, нашлась альтернатива // URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/01/28/u-mira-bez-pravil-o-kotorom-govoril-putin-nashlas-alternativa.html> (дата обращения: 20.02.2021).

⁴⁹ Бабурин С. Н. Указ. соч. С. 133–134.

вопреемство, историческая правда, патриотизм и др., которые не перевернули важнейшие конституционные принципы гл. 1 Конституции РФ, но наметили серьезную модификацию модели российского конституционализма. Это связано прежде всего с такими факторами, как изначально заложенный переходный, временный характер Конституции РФ 1993 г. и поражение имитационной модели развития, воспринятой на постсоциалистическом пространстве как подражание западноевропейским конституционным ценностям.

3. Мировоззренческие поправки к Конституции РФ перевели духовно-нравственное содержание национальной идентичности в категорию конституционной идентичности для достижения более высокого уровня конституционного (и государственного) суверенитета, что было отражено: 1) в корректировке либерально-демократической модели государства и общества с позиции национального суверенитета; 2) в закреплении политического мандата на власть за национально ориентированной элитой.

4. Мировоззренческий поворот к переоценке либерально-демократической доктрины требует дальнейшего исследования. Остается неясность в смысловом целеуказании поправок: или это модификация либерально-демократических ценностей применительно к цивилиза-

ционным и иным особенностям России, или это поиск собственной модели конституционного развития.

5. Поправки к Конституции РФ являются лишь первым шагом в корректировке конституционной модели. Возможно, вторым шагом должен быть заказ на обновление мировоззренческой основы политики публичной власти, на новую политическую философию, на собственные философско-правовые смыслы конституционной идентичности.

6. Методологическими инструментами такого поиска могут стать, во-первых, интегративный потенциал философии, интегративный подход к философии права; во-вторых, концепция общесистемных противоречий социума. Интегративная функция философии способствует преодолению заикленности отдельных школ и течений философской и правовой мысли, более системной переработке и аккумуляции социального и правового опыта. Концепция общесистемных противоречий социума позволяет более критически оценивать универсальность традиционно принятых ценностей демократии, государственного устройства. Она нацеливает на постоянный поиск баланса противоположностей в обществе, сообществах, государстве, на механизм диалога, соразмерности в принятии решений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — 2-е изд. — М. : РЮИД, Сашко, 2000. — 528 с.
2. Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 1. — С. 31–44.
3. Бабурин С. Н. Интернациональный конституционализм : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2020. — 264 с.
4. Боброва Н. А. Конституционная реформа — 2020 как решение проблемы «транзита власти» — 2024 // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 2. — С. 3–9.
5. Бондарь Н. С. Философия российского конституционализма: в контексте теории и практики конституционного правосудия // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Московско-Петербургский философский клуб. — М. : Летний сад, 2010. — С. 46–69.
6. Васильева Т. А. Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского Союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14. — № 2. — С. 32–54.
7. Вырелкин В. П. Некоторые теоретико-методологические проблемы познания социальных процессов и явлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2011. — Вып. 1 (16). — С. 181–188.
8. Вырелкин В. П. Общесистемные противоречия социума во взаимодействии цивилизаций // Диалог цивилизаций: Восток — Запад. — М. : Изд. Российского университета дружбы народов, 1997. — С. 95–99.
9. Гаджиев Г. А. Юбилейные заметки о конституционном развитии и о роли методологии в конституционной юстиции // Журнал конституционного правосудия. — 2017. — № 1. — С. 1–7.

10. Денисов С. А. Имитация конституционного строя // Российский юридический журнал. — 2009. — № 2. — С. 39–46.
11. Джагарян А. Российский конституционализм: в поисках идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 6. — С. 82–101.
12. Дронченко А. И. Интегративная функция философии : дис. ... канд. филос. наук. — М., 1984. — 145 с.
13. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы : лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (С.-Петербург, 16 мая 2019 г.) // Российская газета. — 16.05.2019. — URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html>.
14. Зорькин В. Д. Философия права: прошлое, настоящее, будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Московско-Петербургский философский клуб. — М. : Летний сад, 2010. — С. 28–46.
15. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
16. Кененова И. Конституционализм и политическое лидерство в странах Центральной и Восточной Европы: проблемы и перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 5. — С. 11–41.
17. Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов : учеб. пособие. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 2018. — 454 с.
18. Краснов М. А. Исправить треугольник: несбалансированность системы власти — главная драма Конституции // Деконструкция Конституции : Что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе. — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2020. — С. 27–32. — (Либеральная миссия — Экспертиза. Вып. 8 / под ред. К. Рогова).
19. Крастев И., Холмс С. Имитация и ее отрицание // Сравнительное конституционное обозрение. — 2019. — № 1. — С. 11–20.
20. Куликов Д., Сергейцев Т. Мировой кризис. Восток и Запад в новом веке. — М. : Э, 2017. — 496 с.
21. Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. — М. : Юрист, 2002. — 348 с.
22. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008. — 544 с.
23. Лазарев В. В. Идеологические страсти на конституционном уровне // Мир политики и социологии. — 2019. — № 9. — С. 25–33.
24. Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 2. — С. 20–29.
25. Лукьянова Е. А. Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 3. — С. 130–147.
26. Лукьянова Е. А. О конституционной идентичности и форме правления // Деконструкция Конституции : Что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе. — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2020. — С. 23–27. — (Либеральная миссия — Экспертиза. Вып. 8 / под ред. К. Рогова).
27. Мазаев В. Д. Конституция Российской Федерации 1993 г.: свершения, мифы и реалии (на примере экономической модели) // Журнал российского права. — 2019. — № 3. — С. 21–37.
28. Медушевский А. Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 1. — С. 15–42.
29. Медушевский А. Н. Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // Сравнительное конституционное обозрение. — 2019. — № 1. — С. 21–42.
30. Путин В. В. Интервью газете The Financial Times // Официальный сайт Президента России. — 27 июня 2019 г. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 21.02.2021).
31. Румянцев О. Г. Конституция девяносто третьего. История явления. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М. : Издательство РГ, 2018. — 400 с.
32. Умнова-Конюхова И. А. Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex russica. — 2018. — № 11. — С. 23–40.
33. Хабибулин А. Г., Селиванов А. И. Стратегическая безопасность Российского государства : политико-правовое исследование. — 2-е изд., доп. — М. : Формула права, 2011. — 360 с.
34. Хабриева Т. Я. Генезис конституции и основные конституционные модели // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного закона России) : монография / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, В. И. Васильев [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. — М. : ИЗиСП, Юриспруденция, 2013. — С. 17–46.

35. Чиркин С. В. Зарубежный конституционализм: опыт развития // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного закона России) : монография / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, В. И. Васильев [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. — М. : ИЗИСП, Юриспруденция, 2013. — С. 47–99.
36. Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы: введение в юридический конституционализм. — М. : Институт права и публичной политики, 2021. — 580 с.
37. Шахрай С. М. К вопросу о конституционно-правовом статусе Президента Российской Федерации // Общественные науки. — 2015. — № 2. — С. 79–87.
38. Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. — 2020. — № 4. — С. 7–24.

Материал поступил в редакцию 10 марта 2021 г.

REFERENCES

1. Avakyan SA. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost [Constitution of Russia: nature, evolution, modernity]. 2nd ed. Moscow: RYUID, Sashko Publ.; 2000. (In Russ.).
2. Avakyan SA. Proekty zakonov o popravkakh k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: gryadet raund chetvertyy? [Draft Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation: Round Four Coming?]. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;1:31-44. (In Russ.).
3. Baburin SN. Internatsionalnyy konstitutsionalizm: monografiya [International Constitutionalism: Monograph]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
4. Bobrova NA. Konstitutsionnaya reforma — 2020 kak reshenie problemy «tranzita vlasti» — 2024 [The 2020 Constitutional Reform as a Solution of the Transit of Power Problem of 2024]. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;2:3-9. (In Russ.).
5. Bondar NS. Philosophy of Russian constitutionalism: in the context of the theory and practice of constitutional justice. In: Philosophy of law at the beginning of the XXI century through the prism of constitutionalism and constitutional economics. Moscow-Petersburg Philosophical Club Edition. Moscow: Letniy Sad Publ.; 2010. (In Russ.).
6. Vasilyeva TA. Sud ES i konstitutsionnye sudy gosudarstv — chlenov Evropeyskogo Soyuza v poiskakh konstitutsionnoy identichnosti [The Court of Justice of the EU and Constitutional Courts of EU Member States in Search of Constitutional Identity]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019;14(2):32-54. (In Russ.).
7. Vyrelkin VP. Nekotorye teoretiko-metodologicheskie problemy poznaniya sotsialnykh protsessov i yavleniy [Some theoretical and methodological problems of cognition of social processes and phenomena]. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011;1(16):181-188. (In Russ.).
8. Vyrelkin VP. Obshchesistemnye protivorechiya sotsiuma vo vzaimodeystvii tsivilizatsiy [General systemic contradictions of society in the interaction of civilizations]. In: Dialogue of civilizations: East — West. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publ.; 1997. (In Russ.).
9. Gadzhiev GA. Yubileynye zametki o konstitutsionnom razvitii i o roli metodologii v konstitutsionnoy yustitsii [Anniversary Notes on the Constitutional Development and the Role of Methodology in Constitutional Justice]. *Journal of Constitutional Justice*. 2017;1:1-7. (In Russ.).
10. Denisov SA. Imitatsiya konstitutsionnogo stroya [Imitation of Constitutional Regime]. *Russian Juridical Journal*. 2009;2:39-46. (In Russ.).
11. Dzhagaryan A. Rossiyskiy konstitutsionalizm: v poiskakh identichnosti [Russian Constitutionalism: In Search of Identity]. *Comparative Constitutional Abstract*. 2018;6:82-101. (In Russ.).
12. Dronchenko AI. Integrativnaya funktsiya filosofii: dis. ... kand. filos. nauk. [Integrative function of philosophy: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 1984. (In Russ.).
13. Zorkin VD. Pravo metamoderna: postanovka problemy: lektsiya na IX Peterburgskom mezhdunarodnom yuridicheskom forumе [Metamodern Law: Statement of the Problem: Lecture at the 9th St. Petersburg International Legal Forum (St. Petersburg, May 16, 2019)]. *Rossiyskaya Gazeta* [16 May 2019].
14. Zorkin VD. Filosofiya prava: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Philosophy of law: past, present, future]. In: Philosophy of law at the beginning of the 19th century through the prism of constitutionalism and

- constitutional economics]. Moscow-Petersburg Philosophical Club Edition. Moscow: Letniy sad Publ.; 2010. (In Russ.).
15. Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura [The Information Age: Economy, Society And Culture]. Moscow: HSE Publ.; 2000. (In Russ.).
 16. Kenenova I. Konstitutsionalizm i politicheskoy liderstvo v stranakh tsentralnoy i vostochnoy evropy: problemy i perspektivy [Constitutionalism and Political Leadership in Central and Eastern European Countries: Challenges and Perspectives]. *Comparative Constitutional Abstract*. 2018;5:11-41. (In Russ.).
 17. Krasnov MA. Vvedenie v konstitutsionnoye pravo s razyasneniem slozhnykh voprosov: ucheb. posobie [Introduction to constitutional law with clarification of complex issues: A textbook]. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2018. (In Russ.).
 18. Krasnov MA. Ispravil treugolnik: nesbalansirovannost sistemy vlasti — glavnyaya drama Konstitutsii [Correct the triangle: imbalance in the system of power is the main drama of the Constitution]. In: Rogov, K. (ed.). *Deconstruction of the Constitution: What needs and what does not need to be changed in the Russian Basic Law*. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2020. (Liberal mission — Expertise. Issue 8). (In Russ.).
 19. Krastev I. and Holmes, S. Imitatsiya i ee otritsanie [Imitation and its Discontents]. *Comparative Constitutional Abstract*. 2019;1:11-20. (In Russ.).
 20. Kulikov D. Sergeytsev T. Mirovoy krizis. Vostok i zapad v novom veke [World crisis. East and West in the new century]. Moscow: E Publ; 2017 (In Russ.).
 21. Kutafin OE. Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii [Sources of the Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist Publ.; 2002. (In Russ.).
 22. Kutafin OE. Rossiyskiy konstitutsionalizm [Russian constitutionalism]. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
 23. Lazarev VV. Ideologicheskie strasti na konstitutsionnom urovne [Ideological passions at the constitutional level]. *World of Politics and Sociology*. 2019;9:25-33. (In Russ.).
 24. Lazarev VV. Integrativnoye vospriyatie prava [Integrative perception of law]. *Legal Science: History and Modernity*. 2017;2:20-29. (In Russ.).
 25. Lukyanova EA. Identichnost i transformatsiya sovremennogo prava [Identity and transformation of modern law]. *Comparative Constitutional Abstract*. 2020;3:130-147. (In Russ.).
 26. Lukyanova EA. O konstitutsionnoy identichnosti i forme pravleniya [On constitutional identity and form of government. In: Rogov, K. (ed.). *Deconstruction of the Constitution: What needs and what does not need to be changed in the Russian Basic Law*. Moscow: Liberal Mission Foundation, 2020. (Liberal mission — Expertise. Issue 8). (In Russ.).
 27. Mazayev VD. Konstitutsiya rossiyskoy federatsii 1993 g.: sversheniya, mify i realii (na primere ekonomicheskoy modeli) Russian Federation's Constitution of 1993: achievements, myths and realities (for example, the economic model). *Journal of Russian Law*. 2019;3:21-37. (In Russ.).
 28. Medushevsky A. Globalnyy konstitutsionalizm kak pravovaya teoriya i ideologiya pereustroystva mirovogo poryadka [Global constitutionalism as a legal theory and ideology of the reorganization of the world order]. *Comparative Constitutional Abstract*. 2020;1:15-42. (In Russ.).
 29. Medushevsky AN. Konstitutsiya i sotsialnyy zapros na izmeneniya v sovremennoy rossiyskoy obshchestve [The Constitution and Social Demand for Change in Contemporary Russian Society]. *Comparative Constitutional Abstract*. 2019;1:21-42. (In Russ.).
 30. Putin VV. Interview to The Financial Times. Official site of the President of Russia [27 June 2019]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836> (Accessed: 21 Feb 2021).
 31. Rumyantsev OG. Konstitutsiya devyanosto tretego. Istoriya yavleniya [The Constitution of the Year 93rd. History of the phenomenon]. 3rd ed. Moscow: RG Publ.; 2018. (In Russ.).
 32. Umnova-Konyukhova IA. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii 1993 goda: otsenka konstitutsionnogo ideala i ego realizatsii skvoz prizmu mirovogo opyta [the 1993 Constitution of the Russian Federation: the Constitutional Ideal Evaluation and its Implementation in Light of International Experience]. *Lex russica*. 2018;11:23-40. (In Russ.).
 33. Khabibulin AG. and Selivanov AI. Strategicheskaya bezopasnost rossiyskogo gosudarstva: politiko-pravovoe issledovanie [Strategic security of the Russian state: political and legal research]. 2nd ed. Moscow: Formula Prava Publ.; 2011. (In Russ.).
 34. Khabrieva TYa. Genezis konstitutsii i osnovnye konstitutsionnye modeli [The genesis of the constitution and basic constitutional models]. In: Vasiliev VI. [et al.]; Khabrieva TYa. (ed.). *Constitution of the Russian Federation:*

- from the image of the future to reality (to the 20th anniversary of the Basic Law of Russia): A monograph. Moscow: IZiSP Publ., Yurisprudentsiya Publ.; 2013. (In Russ.).
35. Chirkin SV. Zarubezhnyy konstitutsionalizm: opyt razvitiya [Foreign constitutionalism: the experience of development]. In: Vasiliev VI. [et al.]; Khabrieva TYa. (ed). Constitution of the Russian Federation: from the image of the future to reality (to the 20th anniversary of the Basic Law of Russia): A monograph. Moscow: IZiSP Publ., Yurisprudentsiya Publ.; 2013. (In Russ.).
 36. Shayo, A. and Witz, R. Konstitutsiya svobody: vvedenie v yuridicheskiy konstitutsionalizm [The Constitution of freedom: an introduction to legal constitutionalism]. Moscow: Institute of Law and Public Policy Publ.; 2021. (In Russ.).
 37. Shakhrai SM. K voprosu o konstitutsionno-pravovom statuse Prezidenta Rossiyskoy Federatsii [On the constitutional and legal status of the President of the Russian Federation]. *Social Sciences*. 2015;2:79-87. (In Russ.).
 38. Ebzeev BS. Aktualizatsiya Konstitutsii Rossii: sobiratelnyy obraz popravok Prezidenta V. V. Putina i novye smysly osnovnogo zakona [Actualization of the Constitution of Russia: Collective Mode of Amendments to the President of the Russian Federation V. V. Putin and new meanings of the Fundamental Law]. *State and Law*. 2020;4:7-24. (In Russ.).